

КИРИЛЛОВА Н. Н.

О ДЕНОТАТЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ

В центре внимания современной лингвистики, по общему признанию языковедов, находятся проблемы семантики, исследование которых проводится по двум направлениям: изучение семантики самостоятельных единиц в их изолированном состоянии и изучение всех видов окружения коммуникативных единиц [1, с. 4—5]. Первое направление включает такие дисциплины, как лексическая, грамматическая, синтаксическая, фонетическая и фразеологическая семантика, а второе представлено так называемой семантикой текста (контекстной семантикой). Фразеологическая семантика имеет номинативную функцию и на этой основе сближается с лексической. Не случайно весь путь развития фразеологии представляет собой изучение фразеологических единиц в сравнении с лексическими как в плане выражения (материальная сторона), так и в плане содержания (идеальная сторона).

В отношении плана выражения разногласия между фразеологами почти отсутствуют: в отличие от лексических единиц, однословных по составу, фразеологическими единицами признаются многословные устойчивые комплексы¹. Что касается описания плана содержания, то здесь следует отметить борьбу мнений: первоначально (до 60-х годов нашего столетия) фразеологическая семантика (сокращенно ФС) отождествлялась с лексической на базе так называемых эквивалентных отношений. Затем наступил период их дифференциации вследствие того, что фразеологическая семантика была признана неадекватной лексической. В результате фразеологическое значение стали считать особой лингвистической категорией, а фразеология была выделена в самостоятельную лингвистическую дисциплину. Эти два важнейших положения фразеологической теории, выдвинувшие проблему фразеологической семантики в разряд первостепенных проблем языкознания, связаны с именами советских фразеологов В. Л. Архангельского и А. В. Кунина. Заслугой В. Л. Архангельского является то, что он открыл в языковой семантике существование фразеологического значения, показав, что «фразеологическое значение есть значение комбинаторное в том смысле, что оно по-разному детерминируется значениями компонентов ФЕ, взятых на семантическом уровне» [3, с. 124—125]. При этом фразеологическое значение — «явление более сложное, чем лексическое значение» [3, с. 216]. С того времени, когда В. Л. Архангельским был обоснован новый взгляд на семантику фразеологических единиц, различие фразеологического и лексического значений признается всеми фразеологами, хотя не во всех работах употребляется термин «фразеологическое значение». Например, А. И. Молотов пользуется термином «лексическое значение фразеологизма», признавая вместе с тем «своеобразие лексического значения фразеологизма в отличие его от лексического значения слова» [4].

Значительный вклад в семантическую теорию фразеологии внес А. В. Кунин, создавший концепцию автономности фразеологии. Он обосновывает идею, согласно которой фразеология представляет собой фразеологическую микросистему, понимаемую как «традиционное единство системных отношений между компонентами фразеологических единиц

¹ Высказывается и другая точка зрения, согласно которой к классу ФЕ могут относиться и слова с метафорическим значением типа *осел* в значении «глухой человек» [2, с. 65].

и фразеологических единиц между собой на основе их структурно-семантических особенностей» [5, с. 27—28]. Различие фразеологии и лексики подтверждается данными, полученными как в ходе синхронических, так и диахронических исследований. Например, в результате диахронического исследования фразеологии французского языка, проведенного А. Г. Назаряном, получен вывод о том, что «в плане генезиса фразеология и лексика обнаруживают существенные различия» [6, с. 172]. Специфику фразеологической семантики в отличие от лексической лингвисты объясняют по-разному: а) противоречием между реальным значением ФЕ и этимологическим значением ее компонентов [7], б) различным характером внутренней формы ФЕ и слова [8, с. 10], в) различием семантических структур ФЕ и слова, вытекающим из разной степени языковой абстракции: лексическая абстракция является двуступенчатой (понятие — денотат), фразеологическая абстракция носит трехступенчатый характер (понятие — образное представление — денотат) [6, с. 26], г) новыми элементарными смыслами, присущими только ФЕ как языковому знаку экстралингвистической ситуации [2, с. 65], д) семантической структурой слов-компонентов, их динамическим развитием [9], е) устойчивостью фразеологического значения [5, с. 307].

Признание за фразеологическими единицами номинативной функции позволяет рассматривать фразеологическую семантику с позиции теории отражения в сравнении с другими типами семантики — не только лексической, но и грамматической, синтаксической, фонетической, — которые существуют в таксономии лингвистических понятий, ибо «в языке, в общем, все значимо и осмысленно, т. е. все единицы языка имеют значение» [10]. Идеальная сторона языковых единиц двукомпонентна — в ней выделяются значение как результат отражения объективной действительности и значимость как результат действия фактора системности [11]. За основу сравнения указанных типов семантики в данной статье принимается первый компонент.

Принцип отражения требует ответа на два вопроса: 1) что отражается, т. е. каков внеязыковой субстрат изучаемой семантики, и 2) как отражается, т. е. каков характер отражения.

Первый вопрос, по сути дела, это вопрос о денотате, которому в литературе о фразеологической семантике уделяется несравненно меньше внимания, чем в литературе о лексической семантике. Это происходит, на наш взгляд, по двум причинам: а priori по аналогии со словом денотатом ФЕ считаются явления объективного мира, обозначаемые фразеологизмами. Так, денотатом ФЕ *протянуть ноги* является понятие «умереть», а ФЕ *стреляный воробей* — «бывалый, опытный человек». Вторая причина того, что денотат ФС не был объектом специального исследования, заключается в том, что фразеологическая семантика изучается преимущественно не в аспекте отражения объективной действительности (первый компонент идеальной стороны), а в аспекте взаимодействия языковых факторов (проблемы фразеологизации, семантической эволюции, устойчивости, контекстной обусловленности и т. п.).

Проблема денотата фразеологической семантики заслуживает пристального рассмотрения, потому что аналогия с денотатом слова здесь явно недостаточно. Предположить обратное значит лишить фразеологию оснований для существования в качестве самостоятельной дисциплины.

Итак, попытаемся подойти к определению денотата фразеологической семантики с точки зрения ее экстралингвистической обусловленности, т. е. попытаемся ответить на вопрос, имеет ли ФС экстралингвистический субстрат подобно тому, как его имеют другие типы семантики языка. Как известно, под семантикой языка понимается идеальное содержание языка, представляющее собой адекватное отражение объективного мира. В процессе обозначения (номинации) семантический континуум отражается в виде определенных языковых категорий (ср. категории частей речи, категории членов предложения, категория слова, категория фонемы). В основе названных категорий лежит различный характер семантики. В первую категорию входят понятия, объединенные грамматической се-

мантикой, — имя, глагол, наречие и т. п. Вторую категорию составляют понятия синтаксической семантики — подлежащее, сказуемое, дополнение и т. п. Третья категория объединяет понятия на основе лексической семантики (слово). Четвертая категория, несмотря на совершенно иной, «незначимый», характер ее единицы — фонемы — входит, тем не менее, в понятие фонетической семантики [12].

Каждая из названных семантик коррелирует с явлениями объективно-го мира, в котором находятся ее денотаты. Для грамматической семантики денотатом служат свойства и отношения объектов реального мира (предметность, глагольность, признаковость, и т. д.). Денотатом синтаксической семантики являются «функции объектов в ситуации» [13], т. е. деятель, пациенс, адресат, инструментальность, локальность и т. п. Денотат лексической семантики — предметы, действия, состояния, процессы, качества, имеющие конкретное или абстрактное значение. Денотатом фонетической семантики служит звук (колебания воли воздушной среды, социально значимые для данного коллектива) или, точнее, обертоны звука.

Каков же денотат таких языковых номинативных образований, как, например, *заблудшая овца*, *брать быка за рога*, *до мозга костей*, *себе на уме*, *дело в шляпе* и др.? Для ответа на поставленный вопрос рассмотрим соотношение компонентов на уровне «денотат (объективная действительность) — ФС». Синтаксической основой фразеологизма является свободное словосочетание, денотатом которого служит предметная ситуация. Назовем его денотатом-1. Например, ситуацию, обозначающую словосочетанием *manger la grenouille*, можно представить следующим образом: «некто (цапля, человек) ест лягушку». Но существительное *grenouille* во французском языке имеет и переносное значение «копилка», образованное на основе переноса по сходству, т. к. во Франции существовали копилки в форме лягушки с открытым ртом, куда бросали деньги. Позднее этим словом стали обозначать деньги, собранные в общую кассу группой людей. Третье значение слова *grenouille* возникло на основе переноса по функции, а словосочетание, в котором оно реализуется — *manger la grenouille*, — приобрело значение «растратить деньги кассы, принадлежащей группе людей, в которую производитель этого действия входит» [14]. Таким образом, на базе двух переносов возникло фразеологическое значение, которое расширилось до значения «растратить чужие деньги»: «Est-ce vrai, vieux, reprit-elle, que tu as tué ton frère et oncle, ruiné ta famille, ... et mangé la grenouille (разрядка наша. — К. Н.) du gouvernement en Afrique avec la princesse» (H. Balzac, *La cousine Bette*) «Правда ли, старикан, — продолжала она, — что ты убил своего брата и дядю, разорил свою семью и растратил казенные денежки с принцессой в Африке?»

Данный фразеологизм имеет вариант *faire sauter la grenouille*, возникший на основе образа «взорвать копилку», в котором все компоненты употреблены в переносном значении (букв. «заставить прыгать лягушку»). Если за обозначение предметной ситуации принять буквальное значение компонентов, то различие между предметной ситуацией и фразеологическим значением ФЕ *faire sauter la grenouille* возрастает еще больше, в результате чего возникает ощущение абсурдности данного фразеологического оборота. В процессе познания смысла фразеологических единиц это ощущение часто имеет место, потому что соотносительность значения ФЕ происходит не с производными значениями компонентов ФЕ (в нашем примере «взорвать копилку»), а с их исходными значениями. «Раскрытие неоднозначного смысла, — пишет Г. В. Колшанский, — в итоге базируется на гносеологической, а не на лингвистической компетенции человека» [1, с. 59]. Глагол *manger* в рассматриваемой ФЕ, употребленный в переносном значении, функционирует вместе с существительным *la grenouille*, претерпевшим трехкратный перенос, после чего образованная ФЕ абстрагируется в понятие «растратить чужие деньги» (без последнего этапа абстрагирования значение могло бы быть иным, например, «растратить свои деньги, накопленные в копилке» или «растратить часть общих денег, принадлежащую себе»). Семантическая эволюция фразеологизма *manger la grenouille*

Ее показывает, что процесс образования данной ФЕ связан с развитием значения слова *grenouille* и не имеет непосредственного отношения к предметной ситуации «есть/съесть лягушку». Следовательно, прямая связь между значением «растратить чужие деньги» и данной предметной ситуацией отсутствует. Эта связь носит опосредованный характер, на что часто указывалось в работах по фразеологии. Но о том, что представляет собой опосредованная связь между денотатом и фразеологическим значением, говорится довольно мало и в общих словах (исключение составляет работа А. Г. Назаряна [6, с. 26]). Однако следует заметить, что психологический фактор отражения объективной действительности, т. е. образное представление, является лишь одним из элементов промежуточного звена между денотатом и ФС. Здесь важно лишь вслед за А. Г. Назаряном обратить внимание на трехступенчатую соотношенность фразеологической семантики с объективной действительностью: «денотат-1 — промежуточное звено — ФС».

Однако вернемся к ФЕ *manger la grenouille*. Она относится к группе ФЕ, образованию которых предшествует семантическая эволюция одного из компонентов. Последняя является причиной усложненной референтной соотношенности ФС с денотатом-1. Подобные ФЕ — весьма частое явление в любом языке. Достаточно привести в качестве примера ФЕ с названиями частей тела, в которых существительные фигурируют не как соматизмы, а как названия предметов, находящихся вне человека. Например, исходными значениями существительного *pied* «нога» в следующих ФЕ являются: «нога животного» (*faire le pied de grue* «томиться ожиданием»); «ножка растения» (*sécher sur pied* «сохнуть на корню; чахнуть»); «мера длины» (*vivre sur le grand pied* «жить на широкую ногу»).

Существует и другая группа ФЕ, источником которых является не семантическая эволюция компонента, а непосредственно предметная ситуация, переосмысленная в целях создания образной единицы. Но и в этом случае установить связь между значением ФЕ и предметной ситуацией не просто. Об этом писали Н. Н. Амосова и другие лингвисты, указывая, что, например, ситуация «выносить сор из избы» могла бы послужить основой для фразеологизмов с несколькими различными значениями — «наводить порядок», «облегчить душу тяжелым признанием», «отделаться от чего-либо лишнего, ненужного», «разглашать внутренние дрязки» [16]. Наблюдение Н. Н. Амосовой подтвердил эксперимент, проведенный А. Г. Назаряном с носителями французского языка. Эксперимент показал, что ситуация, отраженная в ФЕ *tondre un oeuf* (букв. «стричь яйцо»), может быть интерпретирована 13 способами: 1) «заниматься бесполезным делом», 2) «ничего не делать», 3) «делать глупости, валять дурака», 4) «пытаться сделать что-то невозможное», 5) «ободрать кого-либо как липку», 6) «дурачиться», 7) «пустословить», 8) «снять сливки», 9) «жадничать», 10) «брить наголо», 11) «перехитрить», 12) «доконать кого-либо», 13) «быть слишком мелочным» [16, с. 37]. Реальное же значение данной ФЕ — «стараться по скупости на всем экономить, заработать». О самобытности фразеологизмов пишет А. И. Домашнев, исследуя национальные варианты немецкого языка [17].

Практически каждая ситуация, как показывают примеры Н. Н. Амосовой, А. Г. Назаряна, А. И. Домашнева, может быть интерпретирована по-разному, т. е. может иметь несколько логико-семантических аспектов, выводимых дедуктивным путем из данной ситуации. Но образованию ФЕ служит лишь один из них. Тот логико-семантический аспект, который кладется в основу значения ФЕ, мы будем называть префразеологическим аспектом, в отличие от других логико-семантических аспектов, остающихся как бы в латентном состоянии. Префразеологический аспект ситуации во фразеологической единице играет ту же роль, что и отличительный признак предмета, положенный в основу его названия и мотивирующий это название.

По количеству префразеологических аспектов, используемых в ФЕ, различаются моносемичные и полисемичные ФЕ: в моносемичных обозначен один аспект ситуации, в многозначных (только в случаях параллель-

ной полисемии) — несколько. Например, ФЕ *monter sur ses grands chevaux* «сесть на боевых коней» содержит в себе два префразеологических аспекта: 1) поза всадника, откуда значение «важничать, говорить свысока», и 2) готовность к сражению, на основе чего сформировалось значение «в гневе наброситься на кого-либо». Последовательная полисемия представляет собой семантическое развитие одного и того же префразеологического аспекта ситуации. Например: ФЕ *mettre (remettre) à flot* имеет 4 значения, развившихся одно из другого: 1) «снять с мели; поднять затонувшее судно», 2) «поставить на ноги, восстановить здоровье», 3) «дать первый толчок; помочь сделать карьеру», 4) «вывести из затруднительного положения».

Исходя из множественности логико-семантических аспектов денотата-1 можно иначе интерпретировать понятие и функцию внутренней формы ФЕ. По вопросу о внутренней форме ФЕ существуют разные точки зрения. Одни исследователи трактуют ее как связь между фразеологическим значением оборота и реальными значениями его компонентов [18], другие как словесный образ, который кладется в основу наименования фразеологической единицы [19], третьи — как элемент представления в семантике ФЕ, обусловившей ее вещественное значение [8, с. 17]. Мы разделяем точку зрения В. Г. Гака, согласно которой «внутренняя форма фразеологизма определяется той чертой объекта (разрядка наша. — К. Н.), которая кладется в основу наименования» [20]. Учитывая, что синтаксической основой ФЕ является словосочетание, обозначающее не простой объект, а ситуацию, внутренней формой ФЕ следует считать тот аспект ситуации, который обозначает одну из логико-семантических сторон ситуации. Поскольку логико-семантический аспект ситуации, на базе которого возникает значение той или иной ФЕ, мы называем префразеологическим, то именно его и целесообразно назвать внутренней формой ФЕ. Что касается функций внутренней формы фразеологизма, то принято считать, что они, как и в слове, играют мотивирующую и стилистическую роль [8, с. 18]. Убеждение в том, что в формировании значения ФЕ участвует не вся предметная ситуация, а лишь определенный аспект, который предстоит выбрать из множества ее аспектов, позволяет говорить о мотивирующей функции ФЕ лишь с некоторой оговоркой. Если мотивированность ФЕ понимать как предсказуемость ее значения по форме, то в этом случае о мотивированности говорить трудно, т. к. необходимость выбора исключает предсказуемость.

При изучении мотивированности, как об этом справедливо пишет А. Г. Назарян, важно различать два плана — план порождения и план описания [16, с. 38]. В плане описания исследование проводится от содержания к форме, когда значение ФЕ заранее известно, между ним и значением предметно-реальной ситуации довольно легко устанавливается логическая (мотивирующая) связь. В результате констатируется факт мотивированности значительной части единиц фразеологического фонда. В плане же порождения фразеологического значения (от формы к значению) большинство ФЕ оказывается немотивированным, т. к. их значения непредсказуемы, а это значит, что они не могут быть поняты без словаря [16, с. 38]. Из этого следует, что связь значения ФЕ с ее внутренней формой, которую трудно определить, не является достаточным основанием для мотивированности. В соответствии с этим можно заключить, что внутренняя форма имеет мотивирующую функцию лишь в плане описания. Такое ограничение говорит не об абсолютном, а об относительном характере мотивирующей функции.

Приблизительно то же самое можно сказать и о других функциях внутренней формы ФЕ — генетической и стилистической. Генетическая функция ФЕ заключается в том, что внутренняя форма является источником существования фразеологической единицы и ее можно было бы считать абсолютной, если бы не наличие такого разряда ФЕ, которые не имели и не имеют внутренней формы, типа *забать стрекача* «убежать». Генетическая функция проявляется не только в создании новых ФЕ, но и новых значений существующих ФЕ, что приводит к образованию параллельной и последовательной полисемии. При параллельной полисемии ФЕ

число ее значений равно числу внутренних форм. При последовательной полисемии одна внутренняя форма порождает несколько значений.

Стилистическая функция внутренней формы реализуется во фразеологической синонимии как внутри одного языка, так и между языками. В рамках одного языка фразеологическая синонимия представляет большой интерес со стороны ее широкого семантического и стилистического диапазона. Так, например, число ФЕ с понятием «умереть» во французском языке равно приблизительно 70: *aller ad patres* (нейтр.), *passer de vie à trépas* (литер.), *oublier de respirer* (ирон.), *gratser ses bottes* (фам.), *casser sa pipe* (прост.), *avalér sa fourchette* (арго) и др. На межъязыковом уровне исследование фразеологических синонимов имеет значение для изучения этнического характера фразеологии, в чем не последнюю роль играет внутренняя форма. Например, значение «держат в ежовых рукавицах» передается в романских языках фразеологизмами с различной внутренней формой: «сжимать кому-либо большие пальцы» во французском языке (ФЕ *serrer les pouces à qn.*), «положить в кулак» в испанском (ФЕ *meter in un puño*), «повесить цепь на шею» в итальянском (ФЕ *mettere la catena al collo*), «держат кого-либо на коротком поводке (в узде)» в румынском [ФЕ *a țina pe cineva din scurt (in frâu)*].

Итак, рассмотрев внутреннюю форму и ее функции, можно дать ответ на вопрос о том, что отражается во фразеологической семантике: в ней отражается один из возможных логико-семантических аспектов предметной ситуации (денотата-1), а именно префразеологический аспект. Остается ответить на вопрос, как отражается в ФС объективный мир. Выше говорилось о том, что денотат-1 фразеологической единицы включает в себя несколько логико-семантических аспектов, из числа которых язык использует один и на его основе формирует образный устойчивый оборот. Выбор префразеологического аспекта определяется не только смыслом словосочетания, обозначающего данную ситуацию, но и другими факторами, которые находятся в когнитивной сфере образования значения ФЕ. Понятие когнитивной сферы вытекает из положения психолингвистики о том, что «между структурой предметной ситуации и семантической структурой высказывания находится когнитивная структура ситуации» [21]. В понятие когнитивной структуры фразеологического значения включается все то, что связано с процессом познания как высшей формой отражения объективной действительности. Одним из основных принципов теории отражения является принцип творческой активности субъекта. Согласно марксистско-ленинской теории, «отражение есть социальный по своей природе творческий процесс. Он предполагает не только воздействие на субъект извне, но и активное действие самого субъекта, его творческую активность, которая проявляется в избирательности и целенаправленности восприятия, в отвлечении от одних предметов, свойств и отношений и фиксировании других, в превращении чувственного образа в логическую мысль, в оперировании понятиями» [22]. По сути дела то, что принято называть национальной спецификой фразеологии того или иного языка, т. е. стилистическая коннотация, культурно-историческая и этно-психологическая информация как результат своеобразного воздействия субъекта на объект реального мира, относится к когнитивной сфере ФС.

Рассуждая о семантических особенностях фразеологизмов, испанский лексиколог Х. Касарес пишет о психологической восприимчивости народа, столь необходимой для того, чтобы в языке привились некоторые индивидуальные образования [23]. Естественно, для возникновения психологической восприимчивости к тому или иному факту нужны определенные условия, которые могут быть в одном языке и отсутствовать в другом. Именно фактом национальной специфики языка, на наш взгляд, можно объяснить различную интерпретацию одних и тех же предметных ситуаций в различных языках. Например, воображаемая ситуация «тянуть дьявола за хвост» имеет во французском языке значения «бедствовать, едва сводить концы с концами» (ФЕ *tirer le diable par la queue*), а в итальянском «лезть на рожон» (ФЕ *tirare la coda al diavolo*).

Факт избирательного подхода языков к интерпретации явлений объек-

тивной действительности, безусловно, относится к когнитивной сфере фразеологического значения. Когнитивная сфера представляет собой связь, посредством которой происходит отражение ситуаций объективного мира во фразеологической семантике. Отсюда следует, что ФС отражает внеязыковой субстрат, т. е. имеет денотат.

Однако известно, что функциональное назначение фразеологической единицы не в том, чтобы отразить данный фрагмент действительности, названный компонентами фразеологической единицы, а в том, чтобы с помощью этой номинации обозначить другой «предмет» реального мира, который обычно и называют денотатом ФЕ. Так, В. Л. Архангельский пишет, что денотатом ФЕ считается явление объективного мира, обозначаемое фразеологизмом [3, с. 219]. Таким образом, денотатом ФЕ *mettre gn. sous la dent* является не действие «класть кого-либо под зуб», а «перемыгать кто-сточки кому-либо», а денотатом фразеологизма *secouer le menton* — не телодвижение «трясти подбородком», а понятие «не обращать внимания». Если вторые понятия, согласно В. Л. Архангельскому, считать денотатами, то их следует обозначать денотатом-2, в отличие от денотата-1, по причине переноса названия с одной ситуации на другую, т. е. вторичного переноса.

Очень часто денотат-2 отличается от денотата-1 абстрактным характером: большинство ФЕ обозначают абстрактные понятия и относятся к нематериальной сфере объективного мира. Этим объясняются трудности разграничения денотата-2 и сигнификата ФЕ.

Итак, ответ на вопрос, что является денотатом фразеологической семантики, заключается в следующем: ФС имеет два денотата, один из них лежит в сфере предметных отношений реального мира (денотат-1), другой — в сфере психических понятий (денотат-2). Во фразеологизме часто происходит их совмещение, благодаря чему возможны различные приемы структурно-семантических трансформаций ФЕ, которые можно подразделить на три группы: приемы трансформаций денотата-1, приемы трансформаций денотата-2 и приемы, использующие совмещение денотатов (так называемая двойная актуализация). Приведем пример последней. ФЕ *manger de la vache enragée* «терпеть сильную нужду, бедствовать» (букв. «есть мясо бешеной коровы») в романе Э. Базена «Крик совы» претерпевает структурную и семантическую трансформацию: «Ton père n'a pas de fortune, mais ne paraît pas dénué de ressources, il a eu quelques difficultés, durant un temps, mais tout de même en fait de vache enragée tu n'en as mangé que le filet» (H. Bazin, *Cri de la chouette*). Игра слов в устах персонажа заключается в том, что он рядом с компонентом *la vache* «корова» употребляет существительное в прямом значении *la filet*, но с коннотацией «лучшая часть мяса коровы». В результате реализации прямого и фразеологического значений компонента *la vache* преобразованная фразеологическая единица приобретает в данном контексте значение «терпеть не очень сильную нужду» («...а если ты и ел корки, то лишь от сдобных булок»).

Итак, в свете теории отражения фразеологическая семантика имеет следующую структуру: денотат-1, его префразеологический аспект, когнитивная сфера, денотат-2.

Данная структура значения позволяет выделить во фразеологической семантике такие ее свойства, как относительность, противоречивость, стохастичность, экономичность, иллюкутивность. Фразеологи отмечают, что признаки ФЕ, выявленные в парадигматике, противоречат признакам, проявляющимся в синтагматике: устойчивости противопоставляется вариабельность, семантической монолитности — семантическая членимость, предсказуемости и воспроизводимости — стохастичность. Такое противоречие выступает как необходимое сочетание «двух способов видения вещи и явления, в их относительной неподвижности и постоянном движении» [24, с. 11], откуда следует, что все свойства ФЕ носят не абсолютный, а относительный характер. Даже ее единственный материальный признак — раздельноформленность — необходимо признать в некоторой степени относительным по следующим причинам: во-первых, признак раздельноформленности свойственен не только фразеологизмам, но и другой группе

устойчивых словосочетаний, которые называются аналитическими словами (типа *avoir du succès, faire impression, prendre part, tenir lieu*), во-вторых, признак раздельноформленности в одних языках (русском, французском) является обязательным в определении статуса ФЕ, а в других (испанском, итальянском) — менее обязательным, т. к. в них существуют многокомпонентные ФЕ, оформленные слитно [они распадаются на компоненты лишь в предложении: *camparselas* «незаметно удрать», *correrla* «вести разгульный образ жизни» (исп.), *affibiarla a qd.* «сыграть злую шутку с кем-либо», *allacciarsela* «задирать нос, воображать» (итал.)].

Несовпадение парадигматических и синтагматических признаков ФЕ неизбежно, потому что в языке значение ФЕ представлено как идеограмма, которая содержит в себе «классему и основные элементарные смыслы (семы) фразеологизма» [2, с. 66]. В тексте же ФЕ реализует множество коннотативных сем, которые появляются в контексте *ad hoc*, а вне контекста непредсказуемы. Поэтому некоторые исследователи считают, что фразеологической семантике присущ стохастический характер [25]. Фразеологическую семантику характеризуют динамизм и гибкость. Она легко приспособливается к контексту, в котором иногда означает нечто большее, чем ею обозначено в словаре. Например, фраза из романа Э. Базена «Змея в кулаке» *Folcoche ne se touche pas de la main gauche!* в переводе романа звучит следующим образом: «Психимора не поскупилась!». Однако ФЕ *ne pas se toucher du pied* собственно означает 1) «он в грязь лицом не ударит», 2) «у него губа не дура». В контексте Э. Базена актуализировано первое значение ФЕ, в которой последний компонент *le pied* заменен тематически близким компонентом *la main gauche*, а это либо подчеркивает неожиданное проявление щедрости скупой матери, которая «одолжила» крупную сумму денег нелюбимому сыну (в этом реализуется функция руки «давать»), либо содержит указание на фразеологизм *de la main gauche*, имеющий отношение к понятию «незаконный брак» (*le mariage de la main gauche* «незаконное сожитительство», *l'enfant de la main gauche* «ребенок от незаконного брака»). Вместе с тем указанное контекстное употребление ФЕ содержит намек на отношение матери к родному сыну как к неродному. Перевод на русский язык этой фразы передает иронию, с которой Жан произнес ее, увидев деньги. Но та коннотация, которая содержится во фразе благодаря скрещиванию двух фразеологизмов, остается за пределами перевода.

Фразеологическая семантика отличается экономичностью, которая проявляется на лексическом и семантическом уровнях: «Если для создания 10 лексических единиц нужно 10 слов, — пишет А. Г. Назарян, — то этого количества достаточно, чтобы образовать в 37,5 раза больше ФЕ» [6, с. 77]. С семантической точки зрения экономичность ФЕ заключается в высокой степени информативности, которая им присуща как единицам с низкой предсказуемостью.

В итоге рассмотрения фразеологической семантики следует сказать, что ее специфика заключается в ее сложной денотативной структуре, которая является отражением взаимоотношения трех сущностей: «объективный мир — человек — язык».

ЛИТЕРАТУРА

1. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. М., 1980.
2. Черданцева Т. Э. Язык и его образы (Очерки по итальянской фразеологии). М., 1977.
3. Архангельский В. Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. Ростов-на-Дону, 1964.
4. Молотков А. И. Основы фразеологии русского языка. Л., 1977, с. 109.
5. Кукин А. В. Английская фразеология. М., 1970.
6. Назарян А. Г. История развития французской фразеологии. М., 1981.
7. Жуков В. П. Семантика фразеологических оборотов. М., 1978, с. 19.
8. Федоров А. И. Развитие русской фразеологии в конце XVIII — начале XIX в. Новосибирск, 1973.
9. Авалиани Ю. Ю. К семантическим связям слов в самостоятельной функции и в составе фразеологических единиц. — В кн.: Вопросы описания лексико-семантической системы. Ч. I. М., 1971, с. 16.

10. *Виноградов В. В.* О формах слова.— В кн.: *Виноградов В. В.* Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М., 1975, с. 35.
11. *Панфилов В. З.* Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982, с. 89.
12. *Воронин С. В.* Основы фоносемантики. Л., 1982, с. 244.
13. *Гак В. Г.* Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис. М., 1981, с. 12.
14. *Lexis. Larousse de la langue française.* Paris, 1979, p. 862.
15. *Амосова Н. Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963, с. 8.
16. *Назарян А. Г.* Семантическая моделируемость фразеологизмов: реальность или фикция.— ФН, 1983, № 6.
17. *Домашнев А. И.* Современный немецкий язык в его национальных вариантах. Л., 1983, с. 159.
18. *Ройзензон Л. И.* Внутренняя форма слова и внутренняя форма фразеологизма.— В кн.: Вопросы фразеологии. Ташкент, 1965, с. 65.
19. *Жуков В. П.* «Внутренняя форма» и целостное значение фразеологизма.— Уч. зап. Новгородского пед. ин-та, 1967, т. XII, с. 19.
20. *Гак В. Г.* Фразеологические единицы в свете асимметрии языкового знака.— Тр. Самаркандского гос. ун-та им. А. Навои. Новая сер., 1975, вып. № 277, с. 10.
21. *Шахнарович А. М.* Семантический компонент языковой способности.— В кн.: Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983, с. 190.
22. *Философский энциклопедический словарь.* М., 1983, с. 470.
23. *Касарес Х.* Введение в лексикографию. М., 1958, с. 233.
24. *Скрелина Л. М.* Некоторые вопросы развития языка. Минск, 1973, с. 143.
25. *Маргулис В. Д.* Семантическая структура фразеологических единиц и ее функционирование в тексте в современном английском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1983, с. 3.